Образ медведя в произведениях Р. П. Ругина

В. Л. Сязи

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
syaziviktorya@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение: статья посвящена изучению образа медведя в художественных произведениях Р. П. Ругина.

Цель: раскрыть своеобразие образа медведя в творчестве Р. П. Ругина.

Материалы исследования: Материалом исследования послужили стихотворения Р.П. Ругина, его рассказы и повести, в которых присутствует образ медведя.

Результаты и научная новизна: Образ медведя в прозе Р. П. Ругина имеет особое значение – через него писатель знакомит читателя с мировоззрением хантыйского этноса. Обращение писателя к обрядам, приметам, запретам, использование табуированной лексики усиливает этнографизм повествования и становится узнаваемой чертой авторского стиля. Создавая образ «младшего брата», писатель прибегает к олицетворению. Р.П. Ругиным создается образ зверя в лучших традициях анималистической литературы. Медведь в творчестве Р. П. Ругина не просто второстепенный персонаж, образ животного становится средством создания главного героя, его глубинного понимания.

Ключевые слова: хантыйская литература, образ, медведь, проза, Р. П. Ругин.

Для цитирования: Сязи В. Л. Образ медведя в произведениях Р.П. Ругина // Вестник угроведения. Т. 9. № 1. С. 84–92.

The image of a bear in the works by R. P. Rugin

V. L. Syazi

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
syaziviktorya@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of Khanty literature. The subject of the analysis is the image of a bear embodied in the artistic works of R. P. Rugin.

Objective: to analyze the image of a bear, to identify its functions in the works of Khanty writer.

Research materials: the legends in the literary study of R. P. Rugin, his poems, stories and novels with the image of a bear.

Results and scientific novelty: the cult of a bear dates back to the ancient mythological consciousness of the ethnos. In the ethnographic literature, interpreting the cult of a bear, attention is focused on the similarity of a bear and a man. This view is confirmed in R. P. Rugin's prose. The writer repeatedly in his work refers to the image of the sacred animal.

The image of a bear in R. P. Rugin's prose has particular importance. Through its image the writer introduces a reader to the worldview of the Khanty ethnos. The writer's appeal to the rites, signs, prohibitions reflects the respectful and regulated attitude of the people to the "younger brother". A bear in the works of R. P. Rugin is not just a minor hero. Its image becomes a mean of creation of the main character, his deep understanding.

Key words: Khanty literature, image, bear, prose, R. P. Rugin.

For citation: Syazi V. L. The image of a bear in the works by R. P. Rugin // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9(1): 84–92.

Введение

Имя Романа Прокопьевича Ругина одно из значимых в истории хантыйской литературы. Его творчество неизменно привлекает интерес отечественных и зарубежных исследователей. Сегодня в финно-угорском литературоведении накоплен немалый опыт изучения творчества писателя и публициста в целом (Н. В. Цымбалистенко, Е. С. Роговер, Е. В. Косинцева, К. Пьюигренье и др.). Учёные говорят о мифо-фольклорных традициях творчества Р. П. Ругина, рассматривают литературные традиции и образную систему литературного наследия писателя. Однако отдельного исследования, посвящённого образу медведя, воплощённого в творческом наследии Р. П. Ругина, не представлено. Своей работой постараемся восполнить данное упущение.

Заметим, что обращение Р. П. Ругина к образам животных, птиц, рыб и растений становится узнаваемой частью авторского стиля. Воплощение в художественных текстах зооморфных, ихтиологических и орнитоморфных образов подтверждает неразрывную связь человека и природы в мировоззрении этноса. К. Пьюигренье, анализируя творчество Р. П. Ругина, отмечает: «охота, рыбная ловля, вода, деревья настолько глубоко интегрированы в мир ханты, что они не представляют их иначе, как в соотношении друг с другом» [11, 123].

Р. П. Ругин изображает в своих произведениях труд рыбаков и оленеводов ханты, медведь в его текстах часто выступает второстепенным персонажем.

Медведь – один из самых распространённых образов в фольклоре и литературе, каждый этнос истолковывает его по-своему.

Современная наука накопила большой опыт осмысления образа медведя в художественных и фольклорных текстах. К примеру, это труды А. С. Акимовой, И. А. Бедаревой, Б. А. Берберова, А. Н. Варламова, Н. Н. Ващенко, М. Н. Володиной, И. Жепниковской, Ю. А. Кошкарновой, Д. А. Кучуковой, А. С. Лызловой, С. Г. Низовцевой, Е. П. Пановой, Цен Хайтао, Цай Шухуа и другие. Зарубежные литературоведы также осмысливают образ могучего хищника в своих работах. Элизабет А. Данн в работе «Talking Animals: A Literature Review of Anthropomorphism in Children's Books» [8]

подчёркивает, что образ медведя часто выступает в роли главного персонажа в детской литературе. Исследователь подчёркивает, что медведи, как правило, добрые и гостеприимные персонажи, даже если поначалу они действуют грубо.

Пол Лоуренс Ламсден в работе «The Bear in Selected American, Canadian, and Native Literature: A Pedagogical Symbol Linking Humanity and Nature» [10] рассматривает роль медведя в произведениях (американских и канадских писателей). Исследователь выделил три ипостаси хищника: посланник природы, советник и учитель.

Интересный взгляд на образ медведя представила Зузана Яноушкова. Исследовательница в своей работе проводит параллель между образом медведя и положением женщины в социуме на примере канадской литературы [9]. Энн Рояль Ньюман в статье «Images of the Bear in Children's Literature» осмысливает образ медведя в детской литературе через бессознательное ассоциативное мышление [12]. Ханджани Л. и Паям Б. провели сопоставительный анализ образа медведя в русской и персидской культуре и литературе. Учёные пишут: «У многих народов распространено представление, что медведь прежде был небесным существом, наделённым божественными качествами, но позже спущен небесным богом на землю за ослушание, за попытку испугать бога, чтобы карать грешников (в ряде традиций считалось, что задранный медведем человек – грешник; когда убитым оказывался медведь, верили, что он прогневил небесного бога, который и покарал его). Медведь – родной брат лешему. Его иногда и называют лешим или лесным чертом. Некоторые лесные духи имеют облик медведя. В то же время нечистая сила боится медведя. Чёрт бежит от него прочь. Медведь может одолеть и изгнать водяного» [7].

Материалы и методы

В статье осмысливается образ медведя в творческом наследии Р. П. Ругина. Материалом исследования послужили стихотворения Р. П. Ругина «Выделка медвежьей шкуры», «Медвежий праздник», рассказы «Тяра», «По следу», «Три шкуры», повести «Ланги», «Ранний ледостав», «Счастливые деньки на Шум-Югане».

При исследовании образа медведя использовались современные подходы к литературоведческому анализу художественного текста. В качестве методов – культурно-исторический, типологический и сопоставительный.

Результаты

К образу медведя в истории хантыйской литературы обращались многие авторы: Г. Д. Лазарев, В. С. Волдин, Р. П. Ругин, Е. Д. Айпин, Т. С. Чучелина, В. В. Молданова. Семантика образа медведя в творчестве обско-угорских писателей восходит к древним верованиям народа и общекультурной символике.

В мировоззрении народа ханты медведь занимает почётное место в ряду других сакральных животных. В образцах фольклора прослеживается уважительное и трепетное отношение народа к животному.

Сакральность медведя основывалась в первую очередь на мифологическом мировоззрении, а также подкреплялась анатомическим сходством тела хищника с телом человека: «Охотники, которые сами добывали медведя, утверждают, что остов освежеванного медведя очень похож на остов человека, отличается только размер конечностей, у зверя они короче» [1, 25].

Способность медведя забираться на деревья, плавать и рыть землю, передвигаться на задних лапах ещё больше укрепила веру ханты в то, что когда-то медведь был человеком. Ум и повадки этого животного вызывали восхищение, не раз люди сравнивали этого хищника с человеком. Не случайно ханты называют медведя ласкательно «младший брат».

Н. В. Цымбалистенко, изучая мифологизм творчества Р. П. Ругина, подчёркивает: «Однако героем номер один в мифологии ханты является медведь (сот хоятпи ляль) – именно ему посвящено наибольшее количество сказаний, в его честь существует особый медвежий праздник, он считается прародителем людей. В легендах и сказаниях он силен и мудр, он побеждает чудовищ, он руководит всем животным миром и помогает людям, победить его – для человека великая честь» [6, 5].

В поэтическом наследии Р. П. Ругина образ медведя присутствует в произведениях «Медвежий праздник» и «Выделка медвежьей шкуры». Стихотворение «Медвежий праздник»

посвящено традиционному хантыйскому торжеству по случаю добычи могучего хищника – медведя. Писателю удалось в поэтической форме отразить торжество момента, а также зафиксировать языческие элементы праздника: поклонение медвежьей голове, веру в родство с медведем.

Через сравнения поэт продемонстрировал масштабность и значимость праздника:

Сегодня праздник долог –
Никто не устаёт!
Сегодня весь посёлок
И пляшет и поёт.

И взрослые, и дети
Толпятся а потом
Идут, как рыба в сети,
В один просторный дом [3, 107].

Из произведения становится известно, что праздник длится три дня и три ночи, обязательными элементами являются танцы, сценки и песнопения. Р. Ругин уделяет внимание обычаям, запретам и традициям, соблюдаемым на медвежьем празднике.

Берётся осторожно
Любимая еда:
Лишь палочками можно,
Руками – никогда.

Идут запреты эти
С прадедовских времён:
Пусть батюшке-медведю
Покажется, что он,

На сучья натыкаясь,
В родном лесу бредёт...
А праздник не кончаясь,
Кругом шумит-гудёт. [3, 108].

Резюмирует писатель поэтическое произведение строками признания-благодарности брату-медведю:

Медведя мы, как брата,
За всё благодарим.
«А мы не виноваты», –
Прощаясь, говорим... [3, 109].

Другое стихотворение поэта, в котором появляется образ медведя, называется «Выделка медвежьей шкуры». Стихотворение начинается звукоподражательными словами «кар-кар-кар» и «вот-вот-вот», передающими скрипение скользящего скребка по медвежьей шкуре. Данное звукоподражание встречается

в тексте произведения в шести строфах из девяти, столь частые повторы усиливают физическое напряжение, испытываемое лирическим героем Р. Ругина.

По лицу струится пот,
Я уже усталый. <...>
«Кар-кар-кар». Уже спина,
Словно старая сосна,
Тоже затвердела. <...>
Даже думать силы нет.
Ладно, хватит, отдохнём,
Разогнём колени [5, 50–51].

Крепкую и задубелую медвежью шкуру поэт сравнивает с корой лиственницы. Выделка шкуры столь тяжела и трудоемка, что автор использует сравнение работы мастера со схваткой с самим зверем.

Взад-вперёд скребок снуёт,
«Кар-кар-кар» да «вот-вот-вот».
Кажется, что бредим!
Так-то кости наломал,
Будто в схватке побывал
Я с живым медведем! [5, 50].

Сложность работы связана и с тем, что результата нужно добиваться несколько дней, да и тяжесть ее подчеркивается потом, который появляется от приложенных усилий. Размягчение шкуры желудочным соком оленя и снятие с неё мездры, длится два дня.

Последние строки стихотворения наполнены иронией:

Взад-вперед скребок снуёт,
Вот и снова едкий пот
Побежал, закапал...
В городах сегодня, брат,
Очень модно, говорят,
Шкуру кинуть на пол! [5, 51].

Интересно то, что в стихотворениях Р. Ругин не создаёт образ медведя живым, не воссоздаёт сцены его добычи. Поэт обращается к атрибутике этого образа, создавая периферийное поле образа.

Медвежьи шкуры становятся главным атрибутом образа и в повести «Три шкуры» («Особая командировка»). В этом произведении писатель через атрибутику образа медведя попытался передать сакральность животного, в традиционном мировоззрении, носителем которого выступают герои старшего поколения в повести. Этот же атрибут позволяет показать эволюцию главного героя.

Главный герой повести Микипур пообещал своему начальнику достать медвежьи

шкуры для приезжающих проверяющих. Начальник строительного управления сулил щедро заплатить молодому человеку за столь диковинный подарок. Микипур не предполагал, какой ценной они ему достанутся.

Семан – отец Микипура – не одобрил обещание сына, данное начальнику, и наотрез отказался отдавать шкуры сыну. Мужчина привёл массу аргументов, отстаивая шкуры священного животного, но на сына это не подействовало. В итоге, чтобы не брать грех на душу, Семан подарил шкуры случайной пассажирке теплохода в отсутствие сына.

В начале произведения чётко видны те изменения в главном персонаже, которые произошли в нем под влиянием городской среды. Микипур всё измеряет деньгами – за медвежью шкуру герой предлагает отцу деньги, за выделку шкуры Кляйну он предлагает заплатить сто рублей. Отец расстроен изменениями, произошедшими в Микипуре. Молодой человек не считается с мнением отца и не понимает его чувств. Для Микипура важно любой ценой достать медвежьи шкуры начальнику, потому что он дал слово. Шкуру священного животного Микипур воспринимает как подарок, сувенир, способ решения возникших проблем. Образ Семана противоположен образу сына. Мужчина чтит традиции родного народа.

Медвежьи шкуры в произведении имеют символическое воплощение. Через события, связанные с медвежьими шкурами, Р.П. Ругин создаёт портрет главного героя. Враньё, жадность, изворотливость и «шкурность» Микипура свидетельствуют о деградации героя в городской среде. Согласно традициям деревенской прозы, деревня способствует духовному и нравственному возрождению человека, возвращению к родным корням и традициям.

Обрабатывая задубелые медвежьи шкуры, Микипур символически «выделывает» свою городскую «шкуру». После выделки шкур происходит нравственное прозрение героя. В Нанганг горте Микипур сталкивается с последствиями действий строительного управления, в котором он работает, – вырубленный и утопленный лиственничный лес, загрязнение реки соляной. Загубленные леса и реки Микипур пытался откупить медвежьими шкурами. Через образ медведицы-матери и образ старика писатель показал обратную сторону движущегося промышленного прогресса.

Одновременно с медвежьими шкурами писатель вводит в повествование образ медведицы-матери. Медведица и два медвежонка обитают вблизи жилища пожилого охотника. Мужчина не убивает докучающую медведицу из-за промысловой приметы – у неё на шее есть белое пятно. Согласно традиции хантов, такого медведя можно убить только в том случае, если он на счету охотника является седьмым.

Образ семьи медведей в повести имеет глубинный подтекст. От частного факта автору удалось обобщить трагедию хантыйского народа. Образ медведицы с медвежатами символизирует преемственность поколений и весь этнос в целом. Образ браконьера, убившего медведей, параллелен бурно развивающейся промышленности с халатным руководством во главе. Через трагедию медведицы писатель показал трагедию «угасающего этноса». Аналогичный образ семьи медведей реализован в произведении Е. Д. Айпина «Медвежье горе».

Микипур подобен одинокому медвежонку. Молодой человек оторван от родных мест, традиционного уклада жизни и мировоззрения родного народа. Он живёт в другом обществе, где царит совершенно другая иерархия ценностей.

Медвежонок, если его вырастят в закрытом вольере (как предложил Микипур Паялу), станет могучим медведем, но добыть в честном бою себе пропитание и обустроить берлогу он не сможет и станет очередным шатуном. Слова Паяла о судьбе медвежонка словно пророчат будущее главного героя: «Вот только бы ещё медвежонка поймать. Не прогнала бы его собака, не напугала бы...» [2, 154]. В них слышна надежда старшего поколения на возвращение молодёжи к родным истокам.

В повести писатель использовал табуированную лексику, запреты и обычаи, связанные с образом лесного зверя. В тексте встречается табуированная номинация медведя – апсие сахал. В комментариях к повести автор поясняет: «Апсие сахал – шуба братца, то есть медведя. По преданиям ханты, медведь и человек одного происхождения. Медведь – младший брат человека. И у него не шкура, а шуба» [2, 114]. Концепция о божественном происхождении медведя находит подтверждение и в «Легенде о Казым Най», «Залив Священной Собаки». Завуалировано

в речи охотников и слово ружьё при охоте на медведя, в тексте оно заменено определением «гремящая и огонь извергающая палка», глагол убить заменён в тексте предикатами «привести домой или низвести».

Запрет на убийство медведя с белым ободком изображён и в рассказе «По следу». В произведении охотник и медведь с белым ободком встречаются семь раз, и каждая встреча Пиляпа и хищника оставляет неизгладимый след в душе героя. В рассказе прослеживается трансформация чувств героя к медведю – от почтения и благоговения до ненависти.

Номинация животного также меняется в повести. В начале произведения герой именует хищника: «мойпар», «белошей», «белый ободок», «бродяга с белым ободком», «ТОТ САМЫЙ мойпар», «Вы». Ближе к кульминации произведения обращения из уст героев к медведю приобретают другую эмоционально-экспрессивную окраску: «шатун», «преступник», «разбойник», «коварный зверь», «коварный мойпар», «мохнатый мародёр».

С первых страниц рассказа писатель акцентирует внимание читателя на почтительном отношении народа к животному. Особенно ярко это прослеживается в начале произведения. Во время встречи с медведем. Пиляп обращается к нему с речью, чтобы зверь удалился:

«Прикрыв глаза и обернувшись лицом к медведю, забормотал: – Кой, Старик! Зачем ты вышел из леса к нам на луга? Разве здесь есть для тебя пища? И мыши сейчас не найдёшь! А найдёшь – удастся ли тебе её сцапать? Ведь ты ослаб в своей зимней берлоге, обленился. Возвращайся в тайгу! Вон она, синее у тебя за спиной. Там ты всё найдёшь, что тебе нужно! Прошу тебя, Старик, уходи!» [4, 15].

Действия героя – закрытые глаза, обращённость лица к священному животному, негромкая речь – свидетельствуют о сосредоточенности охотника на выполнении сакрального действия. Писатель намерено не даёт оценку данным словам, не называет их молитвой, просьбой, пожеланием, приказом и др. В словах героя содержатся риторические вопросы, императивные конструкции с элементами убеждения и просьбы. Всё это подчёркивает эмоциональность, искренность и почтительность пожилого охотника к животному.

Герой искренне верит в силу произнесённых слов. Жизненный опыт Пиляпа (герой добыл четырёх медведей), подкрепляет его веру. После сказанного «заклинания» животное удаляется: «Медведь, словно услышав обращённую к нему речь, остановился и затоптался на месте. Затем развернулся и медленно удалился в низкий тальник» [4, 15].

Р. П. Ругин не случайно вводит в канву повествования данный эпизод, писатель намеренно фокусирует внимание читателя на способности животного слышать, слушать и понимать речь человека, к нему обращённую.

Заклинание, вложенное в уста главного героя, отражает почтительное отношение этноса к животному: «“Сейчас поднимут Старика”, – определил Пиляп, взведя курки своей двустволки, и забормотал своё обычное закливание: – Остановитесь, Старик, остановитесь...

Зверь послушался, на расстоянии аркана вдруг резко притормозил и присел – словно опрокинулся на задние лапы.

Пиляп прицелился, задержал дыхание и хотел было уже нажать на спусковой крючок, ... но не выстрелил.

Как он мог забыть, безмозглая голова, что шатун должен быть седьмым?

– Не нужны вы мне... Уходите! – сказал он Старика, по древнему хантыйскому обычаю обращаясь к нему на “вы”.

Несколько долгих, как вечность, секунд они пристально смотрели друг на друга – человек и зверь. На мохнатой шее медведя отчётливо виден был ободок.

Но вот Старик двинулся на Пиляпа» [4, 26–27]. Охотник выстрелил в воздух, и шатун скрылся в лесу. Не смотря на угрожающее положение, охотник не выстрелил в хищника, не пренебрёг заветами предков. Мужчина дал уйти медведю.

В небольшом эпизоде писатель акцентировал внимание читателя на табуированной номинации медведя, передал поведение и характер зверя. Речь пожилого охотника отражает силу его веры и верность традициям, четкое следование которым не позволяет их нарушить.

Охотник за свою жизнь встретил семь раз «белоее медведя». Пиляп не мог убить хищника из-за приметы: белогрудого медведя можно привезти домой только седьмым, а на счету Пиляпа он был пятым:

«...у ханты существует примета – шатун должен попадаться медвежатнику СЕДЬМЫМ. Справился с ним – без страха охотиться дальше. Нет – пеняй на себя, удачи потом не будет» [4, 20]. В финале произведения Пиляп даёт себе слово, что это будет его последний добытый медведь.

Произведение начинается встречей двух охотников и медведя. Эта встреча оказывается пятой по счёту главного героя Пиляпа и шатуна с белым ободком на шее. В центр писатель помещает события двух лет, раскрывает характер главного героя. Эта встреча для охотника и медведя была роковой. Для хищника она была последней в его жизни, а для героя – последней охотой. В рассказе герой часто встречается с хозяином леса.

Автор упоминает в тексте рассказа встречу осенью охотника и медвежьей семьи. Пиляп с напарником, заведя медведицу с двумя медвежатами и Стариком, сразу же покинули место охоты.

Третья встреча героев была заочной. Жители посёлка Питляр на кладбище обнаружили разрушенные захоронения. Пиляп после осмотра кладбища предположил, что это сделал хищник с белым ободком. Жители посёлка дежурили близ захоронений по очереди, чтобы избежать повторения ситуации.

Четвёртая встреча Пиляпа и белогое медведя была переломной. В финале этой встречи, герой видит в медведе личного врага: «Теперь он (Пиляп – *Сязи В. Л.*) твёрдо верил, что упущенный им шатун – его личный враг, мойпар с белым ободком на мохнатой шее» [4, 36]. Медведь разрушил могильное захоронение матери Пиляпа, это обстоятельство стало последней каплей в отношениях пожилого охотника и медведя. Пиляп твёрдо решает наказать лесного разбойника.

Создавая образ медведя, автор прибегает к олицетворению. В финальном эпизоде преследования охотником шатуна животное испытывает раздражение и гнев после неудачи. Пиляп ранит шатуна в лопатку, хищник спасается бегством. Он мчится к реке и проваливается под лёд, после чего ломает лодку-колданку, лежавшую на берегу.

В финале повести Пиляп убивает шатуна, при этом герой соблюдает обычай добычи хищника: «Пиляп, охваченный смятением, смотрел, как уходит жизнь из мощного тела могучего зверя...

Потом, отойдя в сторону, он упал лицом в снег, и плечи его задрожали. Лопас ткнулся носом в руку хозяина, заскулил.

Пиляп приподнялся, сгрёб ладонями снег и бросил комочек в своего верного друга» [4, 42]. Здесь же писатель приводит пояснение действиям героя: «Когда убивают медведя, ханты, по обычаю, бросают снег в человека или другое живое существо, отдавая таким образом дань уважения медведю, по преданию – предку человека» [4, 42].

В рассказах и повестях Р. П. Ругина образ медведя вписан в жизненное пространство оленеводов и рыбаков. Зверь навевается к человеку, как правило для того, чтобы добыть пропитание. У оленеводов медведь нападает на оленные стада и гонит отбившихся оленей на растерзание, у рыбаков хищник ворует улов из сетей, портит орудия лова.

В повести «Счастливые деньки на Шум-Югане», в главе «Удивительный поединок», писатель создал сцену сражения медведя и лошади. Медведь намеревался отбить жеребенка от табуна лошадей, пасущихся на берегу реки. Жеребец встал на защиту табуна, поднявшись на дыбы, хищник отскочил и покатился кубарем. Медведь вскочил на спину жеребцу и так они промчались вдоль протоки, пока скакун не споткнулся. Жеребец тут же погиб, а медведь нашел свою смерть от руки Купья – одного из героев повести.

В поединке жеребца и медведя писатель подчеркнул силу, мощь, смекалку и достоинство каждого животного. Вожак табуна отважно защитил не только жеребёнка, но и спас весь табун. Он, подобно храбрым представителям рода человеческого, принял удар на себя во имя спасения табуна лошадей. Медведя писатель изобразил, как и подобает хозяину тайги, мощным, сильным и смекалистым. Образ медведя, созданный хантыйским писателем на страницах своих произведений, позволяет говорить об анималистических традициях в творчестве Р. П. Ругина.

«– Почему вы так поступили, мойпар? – тихо спросил Валякси.

– Хотел, чтобы слух о нём дальше прошёл, – ответил старому другу Купья. – Прославиться собрался.

– Вот и прославился.

– Что ж, вот и прославился. Уж теперь вас,

мойпар, не забудем, – обратился Купья к медведю и низко склонил перед ним свою тёмно-волосую с проседью голову. – Прости нас... [2, 219].

В главе повести «Мохнатый вор» писатель вновь повествует о медведе. Ляди и Унтари отправились шишковать вверх по реке. Ребята собрали два мешка кедровых шишек, один оставили под деревом, а другой вдвоём понесли к лодке. Вернувшись к кедру, мальчики не нашли его на оставленном месте. Ребята вспомнили утреннее предупреждение отца Ляди о появившемся медведе в этих местах. Унтари и Ляди, испугавшись, побежали к лодке, с реки они увидели картину: «Один из высоких кедров ходуном ходил, а шишки с него сыпались градом. Среди тёмно-зелёных ветвей мелькали мохнатые медвежьи лапищи» [2, 221].

Подобный образ медведя писатель создал в произведениях «Ранний ледостав», «Тяра» и «Ланги». Писатель вводит образ разнохарактерного медведя для глубинного раскрытия образа главного героя. Образ медведя создается писателем в лучших традициях анималистической литературы.

Обсуждение и заключение

Развитие анималистической традиции в прозе Р. П. Ругина основано на мифологическом мировоззрении народа и авторской поэтике. Образ медведя – это еще одно свидетельство глубокой неразрывной связи современности с древними традициями и верованиями. Р. П. Ругин использует образ хозяина тайги для более глубинного понимания образа главного героя.

Образ медведя в художественном творчестве Р. П. Ругина одновременно естественен и символичен. Писателю удалось передать облик, повадки, характер и нрав могучего хищника. Автор изобразил два разных образа медведя, воплотивших чувства, свойственные человеку. Здесь он чаще всего использовал олицетворения.

Через образ медведя Р.П. Ругин изображает духовную жизнь этноса. Этнографизм повествования усиливают многочисленные обращения Р. П. Ругина к поверьям, обрядам, приметам, связанным с образом медведя.

Образ медведя в прозе Р.П. Ругина создаёт этнический колорит художественного про-

странства и является неотъемлемой чертой авторского стиля хантыйского писателя.

Список источников и литературы

1. Попова С. А. Медвежий праздник на Северном Урале. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 76 с.
2. Ругин Р. П. В ожидании сына. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1990. 302 с.
3. Ругин Р. П. Звон летящего аркана: Стихи. М.: Советский писатель, 1987. 160 с.
4. Ругин Р. П. Избранное: Повести. Екатеринбург: Сред.-Урал.кн. изд-во, 2001. 560 с.
5. Ругин Р. П. Метель на ладони: Стихотворения. М.: Современник, 1986. 92 с.
6. Ругин Р. П. Легенды и мифы народа ханты. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. 336 с.
7. Ханджани Л., Паям Б. Образ медведя в русской и персидской культуре и литературе // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Своё издательство, 2016. С. 3–6. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11600/> (дата обращения: 27.02.2019).
8. Dunn Elizabeth A. Talking Animals: A Literature Review of Anthropomorphism in Children's Books. North Carolina. 2011. 61 p. URL: <https://cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:627a29d7-25f1-4481-9363-72e74c0c4b3f> (дата обращения: 26.02.2019)
9. Janoušková Zuzana. Transformations Woman – Bear Relationships in Canadian Literature and Human – Bear Relationships in Canada. 2010. 93 p. URL: https://is.muni.cz/th/z0g8f/Transformations_Woman_Bear_Relationships_in_Canadian_Literature_and_Human_-_Bear_Relationships_in_Canada.pdf (дата обращения: 26.02.2019).
10. Lawrence Lumsden Paul. The Bear in Selected American, Canadian, and Native Literature: A Pedagogical Symbol Linking Humanity and Nature. Edmonton: Alberta, 1997. 203 p.
11. Piugrenier C. L'oeuvre de Roman Rugin: La terre enchantée: La littérature au service du réveil de la conscience nationale khanty. Traduction commentée. I.N.A.L.C.O. 2000–2001. 123 p.
12. Royall Newman Anne. Images of the Bear in Children's Literature // Children's Literature in Education. 1987, Vol.18, Issue 3. Pp. 131–138.

References

1. Popova S. A. *Medvezhij prazdnik na Severnom Urale* [The Bear's Holiday in the Northern Urals]. Khanty-Mansiysk: ООО «Pechatnyj mir» Publ., 2017. 76 p. (In Russian)
2. Rugin R. P. *V ozhidanii syna: Povesti* [Waiting For The Son: Stories]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1990. 304 p. (In Russian)
3. Rugin R. P. *Zvon letyashchego arkana: stihy* [Ringing of The Flying Noose: poems]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1987. 160 p. (In Russian)
4. Rugin R. P. *Izbrannoe: Povesti* [Selected works: Stories]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2001. 560 p. (In Russian)
5. Rugin R. P. *Metel na ladoni: Stihotvoreniya* [The Snowstorm On The Palm: Poems]. Moscow: Sovremennik Publ., 1986. 92 p. (In Russian)
6. Rugin R. P. *Legendy i mify naroda hanty* [Legends and myths of the Khanty people]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2001. 336 p. (In Russian)
7. Khandzhani L., Payam B. *Obraz medvedya v russkoj i persidskoj kul'ture i literature* [The image of a bear in Russian and Persian culture and literature]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2016 g.)* [Philological sciences in Russia and abroad: proceedings of the IV International scientific conference (Saint-Petersburg, December 2016)]. Saint-Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2016. pp. 3–7. (In Russian)
8. Dunn Elizabeth A. Talking Animals: A Literature Review of Anthropomorphism in Children's Books. North Carolina. 2011. 61 p. Available at: <https://cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:627a29d7-25f1-4481-9363-72e74c0c4b3f> (accessed February 26, 2019). (In English)
9. Janoušková Zuzana *Transformations Woman – Bear Relationships in Canadian Literature and Human – Bear Relationships in Canada*. 2010. 93 p. Available at: https://is.muni.cz/th/z0g8f/Transformations_Woman_Bear_Relationships_in_Canadian_Literature_and_Human_-_Bear_Relationships_in_Canada.pdf

Bear_Relationships_in_Canadian_Literature_and_Human_-_Bear_Relationships_in_Canada.pdf (accessed February 26, 2019). (In English)

10. Lawrence Lumsden Paul The Bear in Selected American, Canadian, and Native Literature: A Pedagogical Symbol Linking Humanity and Nature. Edmonton: Alberta, 1997. 203 p. (In English)

11. Piugrenier C. L'oeuvre de Roman Rugin: La terre enchanée: La littérature au service du réveil de la conscience nationale khanty. Traduction commentée. I.N.A.L.C.O. 2000–2001. 123 p. (In French)

12. Royall Newman Anne. Images of the Bear in Children's Literature. *Children's Literature in Education*, 1987, no. 18 (3), pp. 131–138. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сязи Виктория Львовна, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А), кандидат филологических наук.

ORCID ID: 0000-0003-1103-0435

syaziviktorya@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Syazi Victoria Lvovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218

syaziviktorya@gmail.com